

Даешь революцию на босу ногу

Айседора Дункан родилась 125 лет назад

Майя Крылова

Айседора Дункан – не только героиня истории искусства. Она еще и популярный символ художественной и личной раскрепощенности. Любимым занятием знаменитой бунтарки были мечты о грядущей гармонии мира, и ее утопии в отличие от утопий политиков бескровны и по-женски уютны. Дункан свято верила, что танец, каким он ей представлялся, – материал для строительства «нового человека» и светлого будущего человечества. Именно такой, вакхически неугомонной, ее изобразила другая бунтарка – Майя Плисецкая в балете Мориса Бежара «Айседора». В итоге Дункан преуспела в главном: «дунканизм» как принцип телесной свободы вошел в базовую эстетику современного танца.

Биография энтузиастки свободы широко известна на уровне светской хроники. Знают, что Дункан была подружкой Сергея Есенина («И какую-то женщину, сорока с лишним лет, называл скверной девочкой и своей милою»). При жизни она имела неимоверную популярность, но слава круглолицей американки заметно уменьшилась задолго до ее смерти. Когда Дункан, влюбившаяся в революцию и в молодого крестьянского поэта, приехала в Россию, вместо прежних восторгов она получила шиканье. Были уже 20-е годы. Видя тяжеловесные движения немолодого тела, многие зрители не желали делать скидку на былые триумфы. Положения не спасли ни станцованные Дункан «Марсельеза» с «Интернационалом», ни одобрительные слова Ленина, посетившего концерт «товарища Айседоры».

А за двадцать лет до того многие из тех же самых зрителей вопили «браво», когда в петербургском Дворянском собрании состоялся первый концерт знаменитой «босоножки», старавшейся доказать устарелость классического танца. Приезде танцовщицы в России ждали как манны небесной: Максимилиан Волошин, видевший Дункан в Париже, подготовил соотечест-

венников хвалебной статьей в модном символистском журнале «Весы». Скандальные слухи о ее неподчинении принятым общественным «условностям», свободном отношении к браку и внебрачной любви только подливали масла в огонь.

Гастролерша оправдала все ожидания: ее экспрессивные танцы босиком, отменявшие выворотность, пуанты и геометриз академических поз, претендовали на возврат к «античной простоте» и одновременно к природной естественности, якобы утерянной в «неестественных» балетных экзерсисах. Шопен, Глюк, Вагнер и Бетховен музыкально вдохновляли ее на пластические импровизации, воплощавшие идеи любимого Ницше: философский идол поколения потряс Дункан рассуждениями о дионисийстве и аполлонизме. «Рождение трагедии из духа музыки» долгое время было ее настольной книгой.

Своеобразие радостных открытых эмоций ее танца и его «философический» подтекст оценили Александр Бенуа, Андрей Белый и Василий Розанов, оставившие хвалебные строки. Античные туники и хитоны Айседоры в эпоху корсетов вообще оглушительно действовали на современников, как позднейшие миниюбки – на послевоенные поколения. Крупнотелая дилетантка, не учившаяся серьезно никакому танцу, Дункан покоряла природной пластической интуицией (ее любимый лозунг – «в свободном теле свободный дух») и полным отсутствием ханжества. О ее очень простых (почти в буквальном смысле «два притопа, три прихлопа») движениях сочинили ехидные стишки: «Дункан танцует девственный канкан». Это на самом деле было зрелище сексапильное и невинное одновременно, торжествующее, как писал рецензент, «над старческим лицемерием Европы».

В перерывах между концертами неистовая Айседора делала все, чтобы впечатление «богема без берегов» было полным. Театральная легенда гласит, что Константин Серге-

В России Дункан была приложением к своему мужу, в Европе – наоборот.

евич Станиславский в один из вечеров насилу унес ноги от пьяной феминистки, предлагавшей ему срочно зачать потомство: «У нас с вами непременно будут гениальные дети».

Она страстно мечтала создать собственную школу, особенно в советской России, где, по ее понятиям, возникли особенно благоприятные возможности для телесного и духовного усовершенствования. В начале 20-х годов такая школа открылась в Москве. Вместо чае-

мых «нескольких тысяч пролетарских детей» Айседоре дали сорок девочек и бывший особняк императорской балерины Балашовой. Через некоторое время разочаровавшаяся в революции и брошенная Есениным революционерка уехала в Европу, а школа, как ни странно, сохранилась аж до 1949 года. Еще несколько лет Дункан жила во Франции, а в 50 лет нелепо погибла, катаясь в гоночном автомобиле и задохнувшись от собственного шарфа, попавшего в колесо. ■

Независимая газ. - 2002. - 23 мая. - С.8.